

С. Лопоткина Мещана

Издательство Болгарский художник София, 1964.

**Весенняя
прогулка**

**Ряженая
лиса**

**Жлопотливая
лещана**

Рисунки Вадима Лазаркевича

ЭМИЛИЯН СТАНЕВ

Весенняя прогулка

Перевод с болгарского Валентина Арсеньева

Редактор Василий Протопопов

Зимой белочка Кики редко покидала своё дупло. Но как только наступила весна, она решила отправиться на прогулку.

В одно прекрасное утро, перед восходом солнца, Кики собралась в дорогу. Первым делом расчесала свой хвост, затем наточила зубы.

„Очень мне хочется знать, кто чем сейчас занимается, — сказала она себе. — Дай-ка прогуляюсь, поговорю со знакомыми. Надоело мне всё одной да одной сидеть!“

Кики вприпрыжку побежала по дубовому лесу. Деревья в нём были старые и толстые. Дикие голуби, только что возвратившиеся с юга, разыскивали дупла поудобнее. В них они выведут и вырастят своих птенцов.

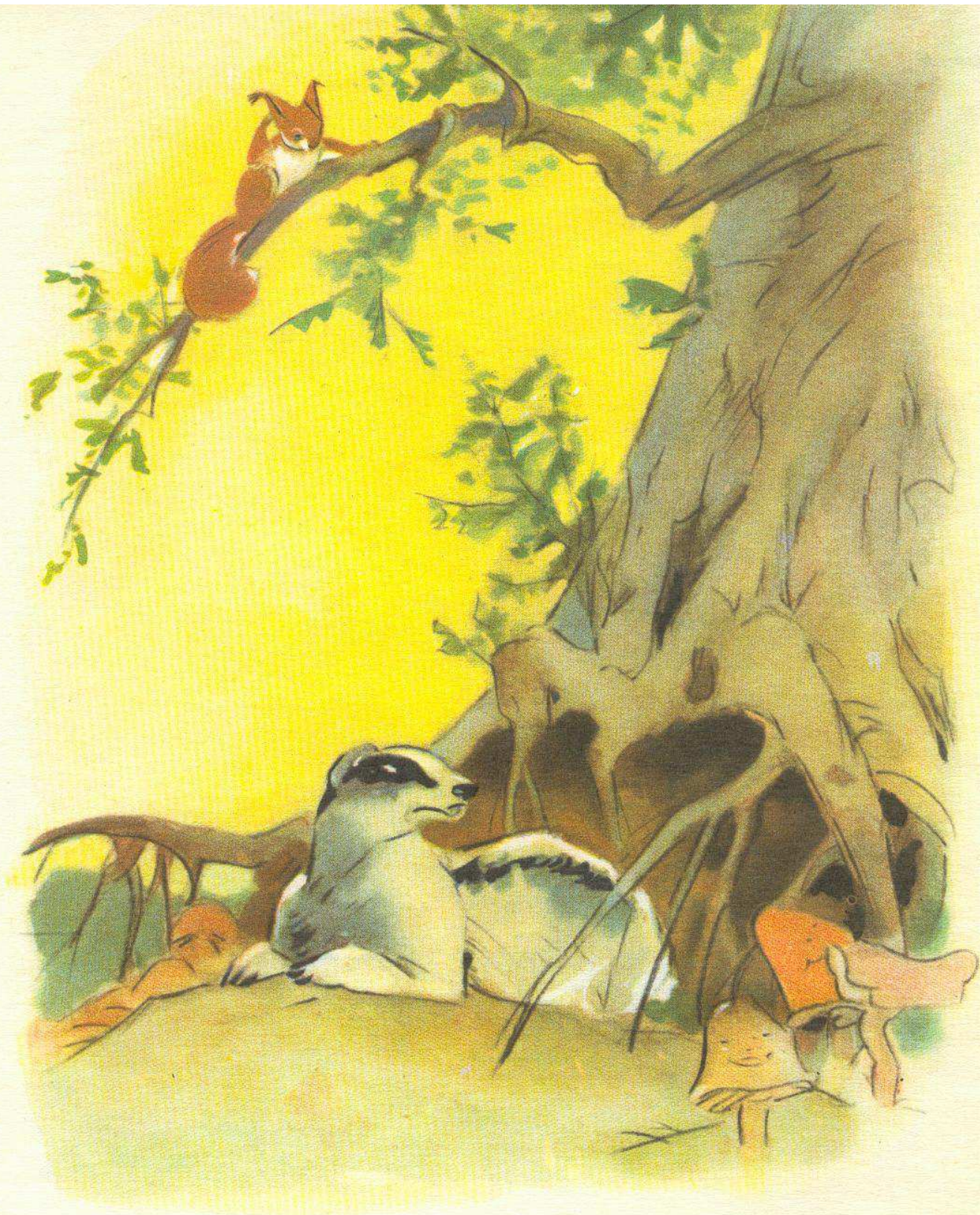

— Гулдуп! Гулдуп! — озабоченно ворковали голуби, сидя на сучьях дубов.

— Эй, Кики!, как провела зиму? — спросили белку птицы — Надемся, в этом году ты не будешь воровать у нас яйца?

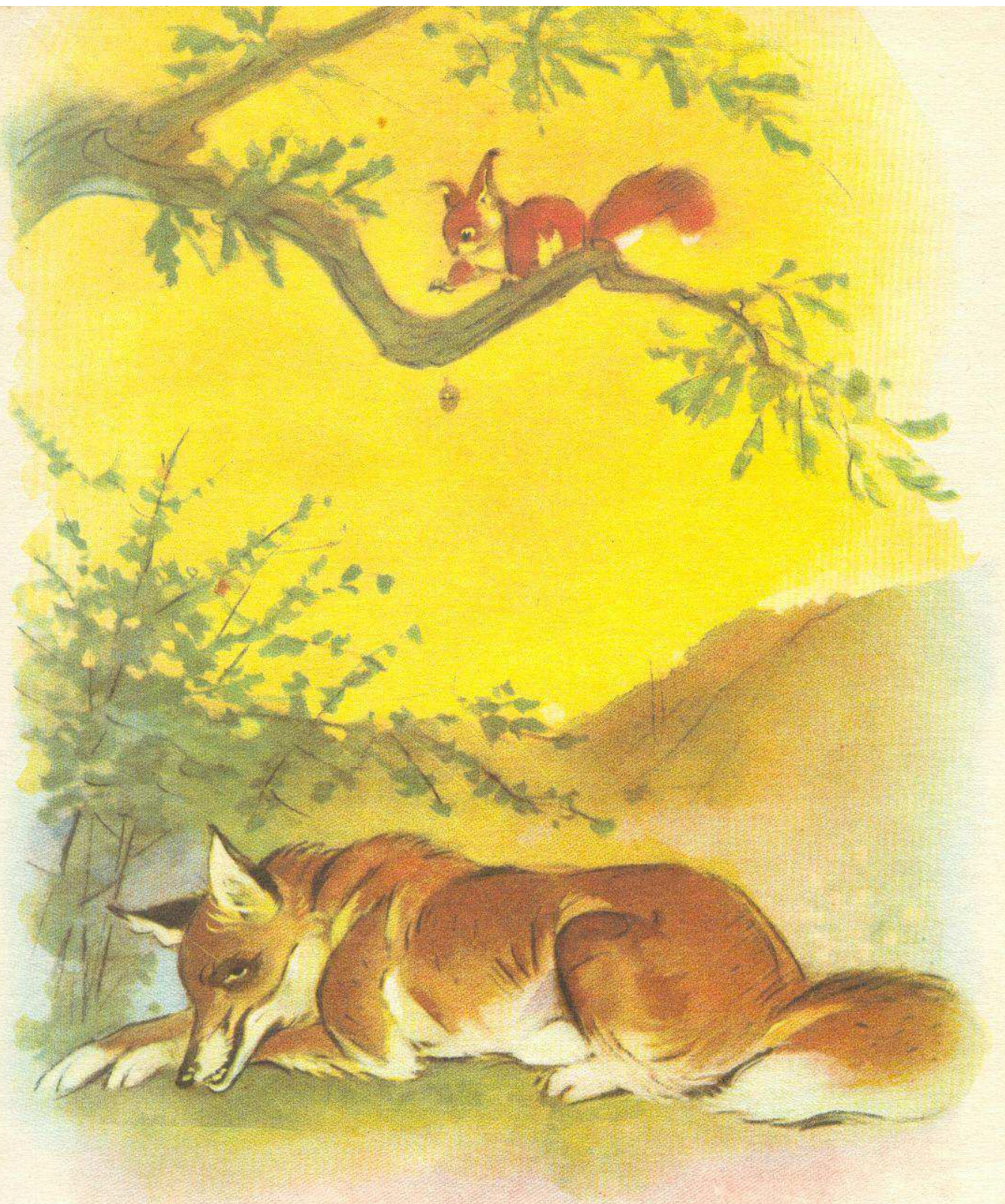
— Здравствуйте! — ответила Кики. — Вы опять поднимаете этот вопрос? Сколько раз я вам говорила: дружба дружбой, а яйца яйцами. Очень уж я их люблю, поэтому хорошенько прячьте их. Скажите, тепло было на юге?

— Как всегда, — отвечали голуби.

Кики продолжала свой путь. Попала в сырой, дремучий лес. Спустилась в овраг и там увидела барсука. Истощённый и вялый после зимней спячки, барсук лежал у своей норы. Разговаривать с ним было опасно. Кики прекрасно знала, какой он всегда сердитый и хмурый, однако поздоровалась с ним. Но барсук даже не взглянул на неё.

„Подумаешь, какую важность напустил на себя этот толстяк! Он считает себя страшно умным, а не видит, что никто не любит его“, — воскликнула про себя Кики.

Она запрыгала вниз по оврагу и чуть было не попала в зубы лисе.

Лиса лежала на косогоре и дремала. Сверху скатывались комочки земли. Кики одним прыжком очутилась на дереве и стала наблюдать. Лис рыл новую нору для своей лисички. А она, прикинувшись больной, ждала, когда всё будет готово. Немного погодя лис вылез из норы, отряхнулся и чихнул.

— Я сил не жалею, чтобы устроить тебе новое жильё, а ты отлёживаешь себе бока, лентяйка эдакая! На разные болезни жалуешься! И так каждый год! — сердито протявкали он.

— Да мне что-то нездоровится. Живот болит. Ты себе работай, а как только мне станет лучше, я помогу тебе, — ответила лиса.

— Жди у моря погоды! — насмешливо фыркнула Кики с дерева.

Лиса подняла голову и, увидев белку, пригрозила разорвать её в клочки. А лис, махнув хвостом, снова принялся рыть землю передними лапами.

Перепрыгивая с дерева на дерево, Кики добралась до опушки. Тут навстречу ей показался заяц. Он спешил до восхода солнца вернуться на свою лёжку.

Заяц был линялый. Одно его ухо повисло, словно кисточка, другое торчало вверх. Заяц было испугался, присел и вытаращил близорукие глаза. Но увидев, что перед ним всего-навсего белка, успокоился.

— Доброе утро, Длинноухий, что поделываешь? Жив-здоров? — обратилась к нему Кики.

— Ох, — сказал заяц, — наконец-то зима миновала. Я теперь немного пришёл в себя, обогрелся, только вот шерсть больно лезет. Просто невдомёк, с чего бы это. Боюсь, как бы не вылезла совсем, и придётся нагишом ходить.

— С тобой это каждую весну бывает, и каждую осень я вижу тебя в новой шубке. Чего ты жалуешься? Если шерсть у тебя не слиняет, ты в летнюю жару света белого не взвидишь, — сказала Кики.

— Что верно, то верно, но больно уж хороша у меня шубка. Всю зиму меня грела, вот мне и жаль её. А ты куда собралась?

— Гуляю. Хочу поглядеть, что нового в лесу.

— А лисы ты, случайно, не видала?

— Только что была у неё. Её муженёк роет новую нору, а она лапкой не шевельнёт. До чего ленива!

— Моя зайчиха не нуждается в норе. Рожает зайчат в кустах, а то и прямо в поле. Очень я этим доволен. Да и к чему нам нора? Будь у нас хоть когти подлинней да поострей, чтобы было чем от врагов обороняться, так нет же! Зимой когти были длинные, а теперь гляди, как пообтёрлись, — пожаловался заяц, подняв переднюю лапу. — На открытом месте я хоть убежать могу — в ногах моя сила. А в норе прятаться гиблое дело: лиса заберётся и схватит... А ты, кстати, заметила, какой шум в лесу

стоит? Все птицы гнёзда себе вьют и поют напрапалую. В особенности чёрные дрозды. А дятлы...

— Ах, не напоминай мне про дятлов, — перебила его Кики. — Не дают мне подремать после обеда. Стучат клювами по дубу, словно в барабаны бьют. И к тому же гордятся тем, что поднимают этот глупый шум. Когда птица умеет петь — это ещё куда ни шло, но долбить деревья и считать себя музыкантом — на это способны только хвастуны...

— А я вот на ежа сердит,—в свою очередь сказал заяц. — Представь себе: и он делом занялся! Вчера встречаю его с ежихой. „Стой, говорю, давай поболтаем. Ты когда проснулся? Когда покинул свою нору под корнем?“ А он кивнул мне своей колючей головой и побрёл дальше. „В другой раз, говорит, поболтаем, Косой. Сейчас я очень занят“. Чем же он, спрашивается, занят? Гнезда он не вьёт, норы не роет. Я уверен, что он отправился лягушек ловить и только придаёт себе важность. Наконец, даже если он занят, это не значит, что он должен быть невежливым.

— Да, кое-кто любит придавать себе важность. Например, барсук, — согласилась Кики и стала жаловаться на его спесивость. В это время показался краешек солнца. Голуби заворко-

вали ещё громче. Где-то в глубине леса закуковала кукушка. Кики облизала себе бок, отсыревший от росы.

— Да, все торопятся, все трудятся и радуются, — сказала она. — А посмотри, солнце-то какое, какое синее небо!

Заяц пошевелил своими длинными ушами.

— Одна лишь кукушка в ус себе не дует, — произнёс он. — Слышишь, как она беззаботно кукует? Птенцов её, небось, другие будут высиживать. Всё ей нипочём! А мне и о шубе своей

думать приходится, и о зайчихе заботиться. С каждым годом в поле всё больше и больше машин. Поля стали такими огромными, что того и гляди заблудишься. Нам-то это, конечно, на руку. Заляжешь среди такого поля, и никто тебя не потревожит. Ни собака, ни ястреб. Но всё же надо прикинуть, какое поле побольше. И чтоб сырости не было...

— Не велика твоя забота, — заметила Кики.

Солнце поднялось над горизонтом, и заяц забеспокоился.

— Мне пора, — сказал он. — Нужно подыскать местечко поудобнее. Чтобы, неровен час, какая-нибудь собака не учуяла.

— И мне пора, — согласилась Кики. — Опасно бродить по

лесу среди бела дня. Да и жильё надо почистить. С зимы в нём полно сухих листьев.

Они расстались. Заяц скрылся в лесу. Кики направилась к своему дуплу.

Большое утреннее солнце осветило зеленеющую землю. Лес словно заулыбался. Птицы запели ещё радостнее.

СВЕТОСЛАВ МИНКОВ

Ряженая Лиса

Перевод с болгарского Юрия Жанова

Редактор Валентин Арсеньев

Однажды медведь, осёл, волк, свинья, заяц и лиса задумали переменить своё обличье. Решили нарядиться людьми. Именно людьми, а не животными. Так, им казалось, будет лучше и веселее. Решили и нарядились.

Медведь — монахом.

Осёл — белобородым мудрецом.

Волк — женихом.

Свинья — невестой.

Заяц — охотником.

Лиса — курицей.

— Постойте, постойте! — воскликнет кто-нибудь из читателей. — Животные нарядились людьми, не так ли? Почему же тогда лиса нарядилась курицей? Разве курица человек?

Действительно, как же это мы забыли, что курица не человек! Но ничего. Раз мы уже сказали, что лиса нарядилась курицей, то так тому и быть. Оставим её в курином обличье и посмотрим, что получится. От этого никто ничего не потеряет — ни вы, ни я, ни сказка, которую мы вам расскажем.

Итак, собрались ряженные животные в лесу и начали забавляться. Но перед этим они все поклялись не делать зла друг другу.

Медведь сидел на большом пне и читал евангелие.

Осёл ревел во всю мочь и уверял, что он самый мудрый на свете.

— Я сделал великое открытие, — гордо заявлял он. — Я открыл, что корни всех деревьев спрятаны в земле. Нет деревьев с корнями в воздухе. Кто не верит, пусть проверит!

Волк и свинья, взявшись под руку, важно прогуливались. Волк был в белых перчатках, а свинья в лакированных туфельках, которые уже немного позагрязнились, потому что свинья, даже будучи невестой, всё равно остаётся свиньёй.

— Ты меня любишь? — спрашивала свинья.

— Ох, жить без тебя не могу! — отвечал волк, и из его пасти текли слюнки.

Заяц, присев за деревом, старался попасть из ружья в буковый листок. Он выпустил уже сотню патронов, а листок, всё ещё нетронутый, висел на ветке.

— Ну и стрелок! — посмеивалась над зайцем лягушка, а он просто изнывал от досады и оправдывался:

— Быть охотником, лягушка-старушка, это нелёгкое дело. Возьмём к примеру других охотников — настоящих людей. Они тысячи

раз стреляли в меня и ни разу не попали. Верно, что, когда я бегу, то петляю, а листок, не шелохнувшись, висит на ветке. Но кто знает, может быть, он заколдованный, и пуля его не берёт.

А в это время лиса разгребала лапами листья и, как заправская курица, кудахтала:

— Куд-куд-куд-кудя-як! Нет ли поблизости какого-нибудь петушка?

Так забавлялись наши ряженые друзья, и вначале всё шло, как по маслу. Никто никого не трогал и не делал никому зла. Но вот, через некоторое время медведь почувствовал голод и, бросив евангелие, начал посматривать по сторонам налившимися кровью глазами. Увидев зайца, он поднялся на задние лапы и направился к нему.

— Что ты делаешь? — спросил медведь.

— Стреляю! — ответил заяц.

— В кого стреляешь?

— Вон в тот букочный листок!

— Если ты сейчас не попадёшь в него, то я тебя съем!

Заяц задрожал, снова зарядил ружьё и прицелился в листок. Продолжая дрожать от страха, он выстрелил, и пуля попала в листок.

— Молодец! — воскликнул медведь. — Дай я тебя поцелую в награду! — И сказав это, медведь обнял зайца и начал целовать, а потом запихнул его в пасть, только косточки захрустели. Остались от зайчика ружьё да охотничья сумка.

Увидел волк, что медведь съел зайца, и тоже почувствовал голод. И притом, как говорится, настоящий волчий голод. Принялся он шептать что-то свиные на ухо, начал, как-будто щекоча, легонько покусывать её, а затем взял да и впился ей в шею.

— Ой-ой-ой, больно, Волчок! — завизжала свинья, стараясь вырваться.

Никто не успел оглянуться, как жених проглотил свою невесту вместе с лакированными туфельками.

Осёл, как и всякий мудрец, был погружён в свои мысли и не обращал никакого внимания на то, что происходит вокруг. Он продолжал ходить взад и вперёд, размахивать хвостом и бормотать себе под нос:

— Нет такого дерева, чтобы росло корнями в воздух. Корни всех деревьев спрятаны в земле.

Но вот подошла и его очередь. Медведь и волк приблизились к нему — ощерившиеся, злые, страшные. Посмотреть на них — волосы станут дыбом. Для таких ненасытных зверей заяц и свинья представляли пустяк. Им нужно было съесть и осла, чтобы насытиться как следует.

— О, белобородый мудрец, — выступая вперёд и облизываясь, сказал медведь. — Я и Волчок хотим покатасть тебя на спине, но не знаем, кому начинать. Поэтому вот что мы придумали. Ты ляжешь на землю, а мы уляжемся позади тебя. Тот, кого ты первого ударишь хвостом, первый и покатает тебя на спине. Согласен ли ты оказать нам эту честь?

Осёл сразу догадался о том, что задумали хищники, но, притворившись дурачком, ответил:

— Я согласен и благодарю вас за внимание. Только не лучше ли будет, если я махну хвостом не лёжа, а стоя?

Волк подмигнул медведю и сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему!

И оба ненасытных зверя встали позади осла.

— Начинай! — сказал медведь и, раскрыв пасть, приготовился броситься на длинноухого.

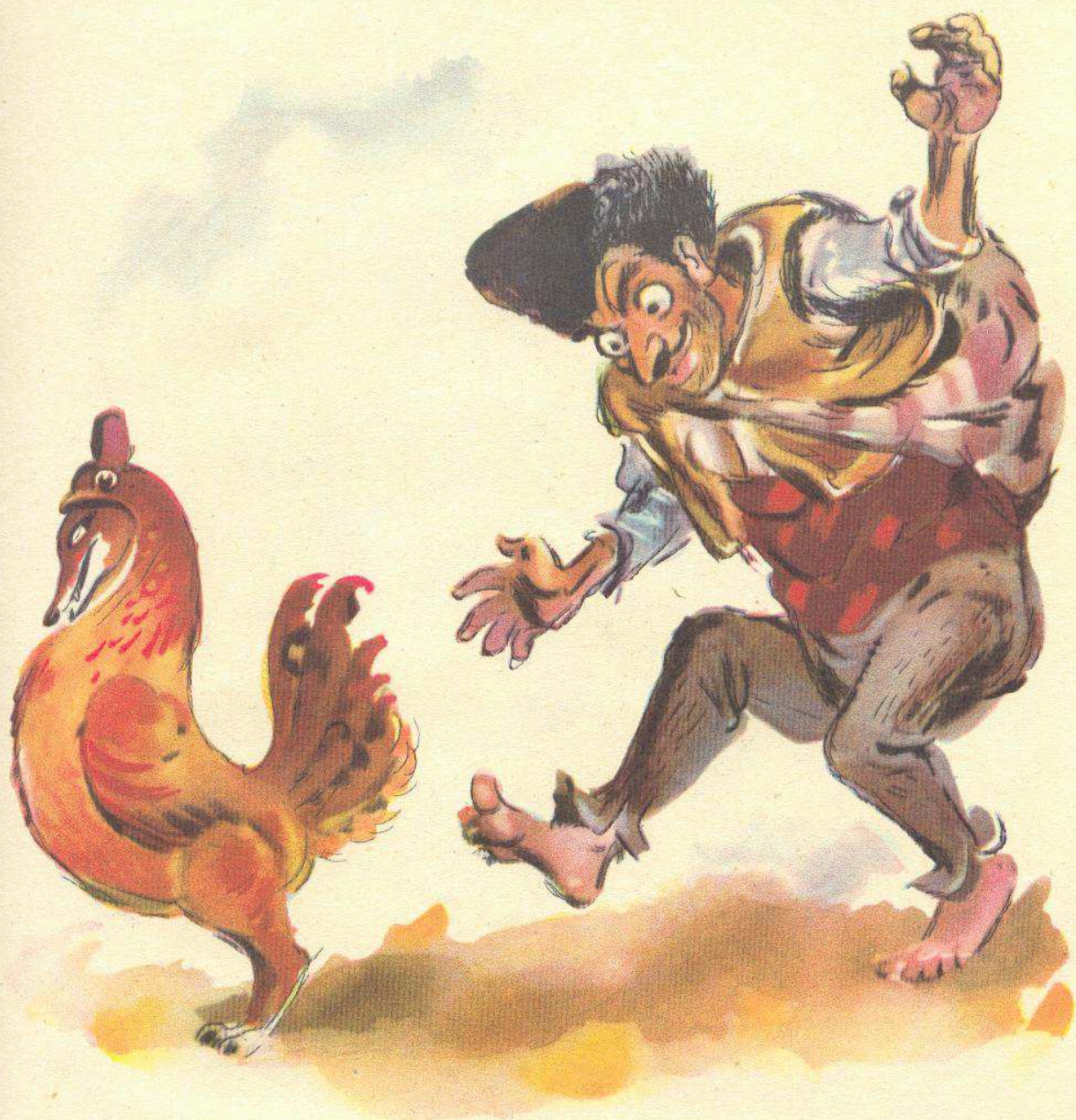
Тогда осёл так лягнул обоих зверей, что они перевернулись три раза и больше не шевельнулись.

Теперь посмотрим, кто остался в живых. Сначала было шесть животных. И все шестеро были ряжеными.

Но медведь съел зайца, волк проглотил свинью, а осёл покончил с медведем и волком. Осталось, значит, двое. Осёл и лиса.

Расправившись с хищниками, осёл пошёл в лес и снова погрузился в размышления о корнях и деревьях.

А лиса сказала себе:

— Пора мне отсюда уйти, кто знает, что здесь может со мной случиться. Очень странным стал этот мир. Все о дружбе говорят, а сами пожирают друг друга. Пойду-ка я в какой-нибудь курятник, отдохну и побеседую с моими сестрицами-курочками.

И, не раздумывая больше, лиса вышла на дорогу и направилась к ближайшему селу.

А по дороге в это время шёл прохожий. Это был цыган Шакир. Он ходил в город, чтобы заработать денег на хлеб, потому что дома его ждали пять голодных цыганят и жена. Но Шакир ничего не заработал и возвращался домой с пустыми руками.

Увидев прохожего, лиса сказала себе:

— Зачем мне идти пешком, пусть лучше этот человек отнесёт меня в село.

И сказав это, лиса вышла на середину дороги, встопорщила перья и начала кудахтать:

— Ко-ко-ко!

Подошёл к ней Шакир и просто глазам не поверил. Сердце у него радостно забилося. Он в жизни не видел такой большой курицы.

— Как мне повезло! — воскликнул он. — Эх, отнесу курочку домой, сварит жена куриную похлёбку, и мои цыганята набьют животики!

Схватил Шакир курицу, сунул её в торбу и закинул за спину.

Идёт Шакир в село и ног под собой не слышит от радости. Кажется ему, что он летит.

„Постой-ка, — задумался через некоторое время цыган. — Съедем мы сегодня курицу. А завтра что будет? Цыганята не станут есть чёрного хлеба, а снова захотят курицу. Где же я возьму её? Не каждый день можно поймать на дороге курицу. Возьму-ка я и продам её, а на вырученные деньги куплю муки, отнесу её жене, и она напечёт хлеба. Ничего не поделаешь, видно, другим людям суждено съесть эту курицу“.

Пришёл Шакир в село и направился к дому самого богатого крестьянина. Постучал в дверь. Крестьянин вышел. Шакир достал из торбы лису и говорит:

— Хозяин, не купишь ли ты курицу?

— Ого, какая большая! — удивился крестьянин — Откуда ты её взял, Шакир?

— Был я в гостях у городского головы, и он мне подарил её. Не простая эта курица, хозяин. Сносит яйца величиной с тыкву!

— Сколько ты за неё просишь? — спросил крестьянин.

— Дай пять вёдер муки, и дело с концом!

— Это много. Больше двух с половиной вёдер не дам.

— Дай хоть три!

— Нет, два с половиной!

— Ладно, давай муку!

Дал крестьянин Шакиру два с половиной ведра муки и взял

ряженую лису. Потом отнёс её в курятник и оставил там.

„Поглядим завтра, какое яйцо снесёт эта курица, — подумал он. — Ежели оно и впрямь будет с тыкву, то я дам Шакиру ещё полведра муки“.

А в курятнике было двадцать курочек. И были они глупыми-преглупыми, как все куры, потому-то ни одна из них и не догадалась, что в курятник пустили лису.

Походила лиса по курятнику и сказала сладким голоском:

— Ах, сестрицы, ах, милые! Что за времена настали. Чего только я не насмотрелась! Видела я, как один монах съел охотника, а жених проглотил невесту!

— Ай-ай-ай! Какими плохими стали люди! — воскликнули хором куры.

— Да, плохими, очень плохими, — подтвердила лиса. — Только мы, животные, хорошие и живём пока в мире и согласии. Вот, например, встретила я недавно лису, и она ничего мне не сделала. Поздоровалась со мной и пошла своей дорогой.

— Не может быть! — удивились куры.

— Чтоб мне провалиться, если я лгу! — заявила лиса.

Но она, конечно, не провалилась, хотя и лгала. Осталась живой и здоровой. А вечером, когда все куры заснули, она устроилась рядом с ними и притворилась спящей.

Наутро крестьянин пошёл в курятник посмотреть, какое яйцо снесла новая курица. Заглянул в курятник и остолбенел. Все его куры были съедены, а от новой даже следа не осталось.

Тут-то крестьянин и понял, что произошло. Почесал затылок и пошёл бранить Шакира, который сам того не зная, продал ему лису вместо курицы.

ЛЕДА МИЛЕВА

Осломотливая мещана

Перевод с болгарского Валентина Арсеньева

Редактор Василий Протопопов

Встала раз утречком рано
Мать медвежаток — Мецана,
Сучьев сухих притащила,
Быстро костёр разложила —
Будет к обеду похлёбка
Малым детишкам-растрёпкам.

Всыпала горстку фасоли,
Всыпала ложечку соли...
Громко похлёбка клокочет,
Тихо Мецана бормочет:

— Перец и соль? Положила.
Лук и фасоль? Не забыла!
Если найду и приправу,
Кушанье выйдет на славу!

Может быть, в лисьей избушке
Я раздобуду петрушки:
Кумушка повар чудесный,
Это давно всем известно!

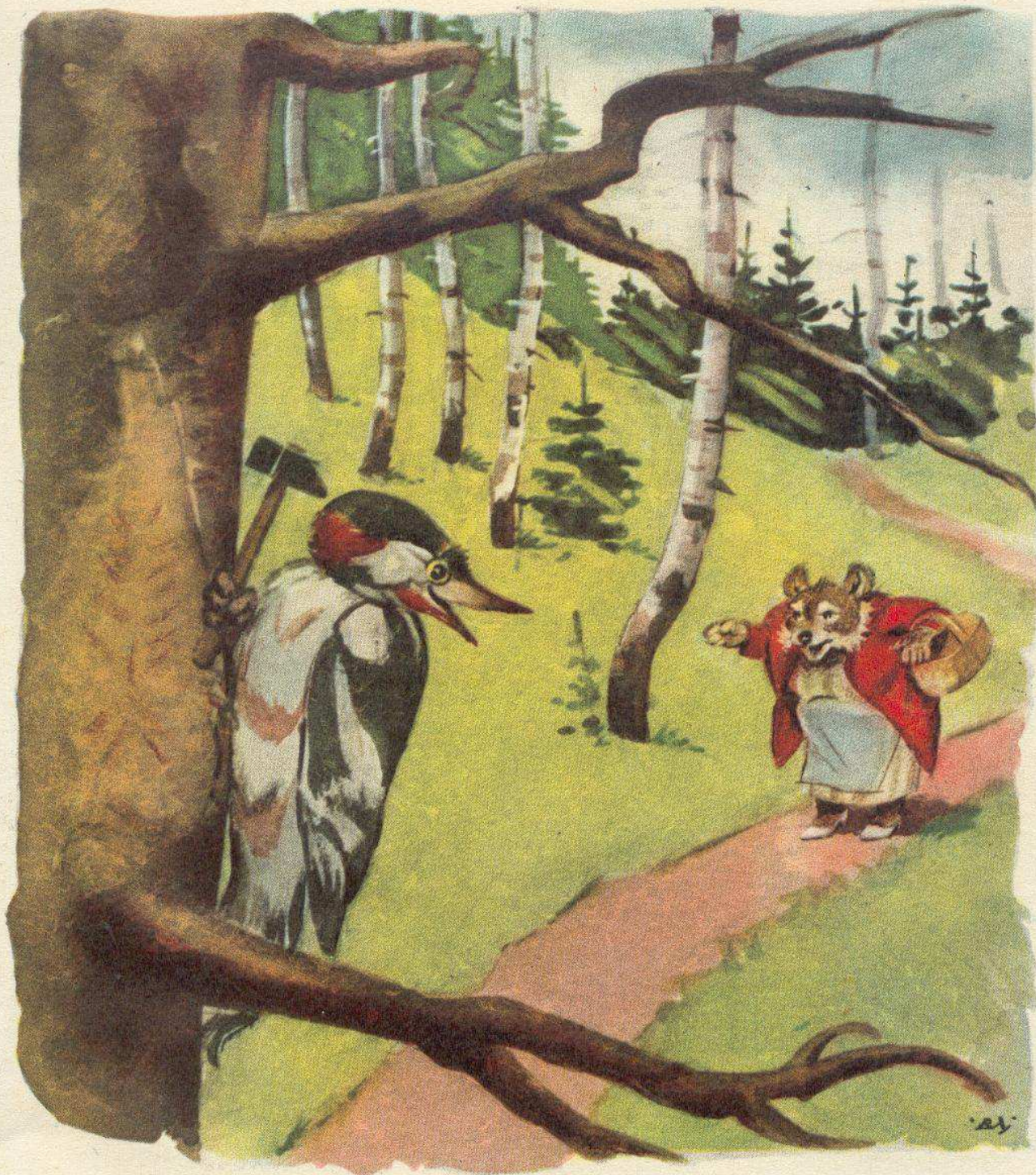
Лапой подать до соседки.
Ждите меня, малолетки!.. —
Взяв для петрушки лукошко,
Вышла она в путь-дорожку.

Бодро Мецана шагает.
Вдруг она Зайца встречает.
— Здравствуй, Косой, как делишки?
Есть для зайчат кочерыжки?

Поговорить не успели,
Глядь — два часа пролетели.
— Что ж я с тобою болтаю,
Зря только время теряю!

Дальше спешит, но на горе
Дятла увидела вскоре.
— Слушай, тебе я за дело
Выговор сделать хотела:

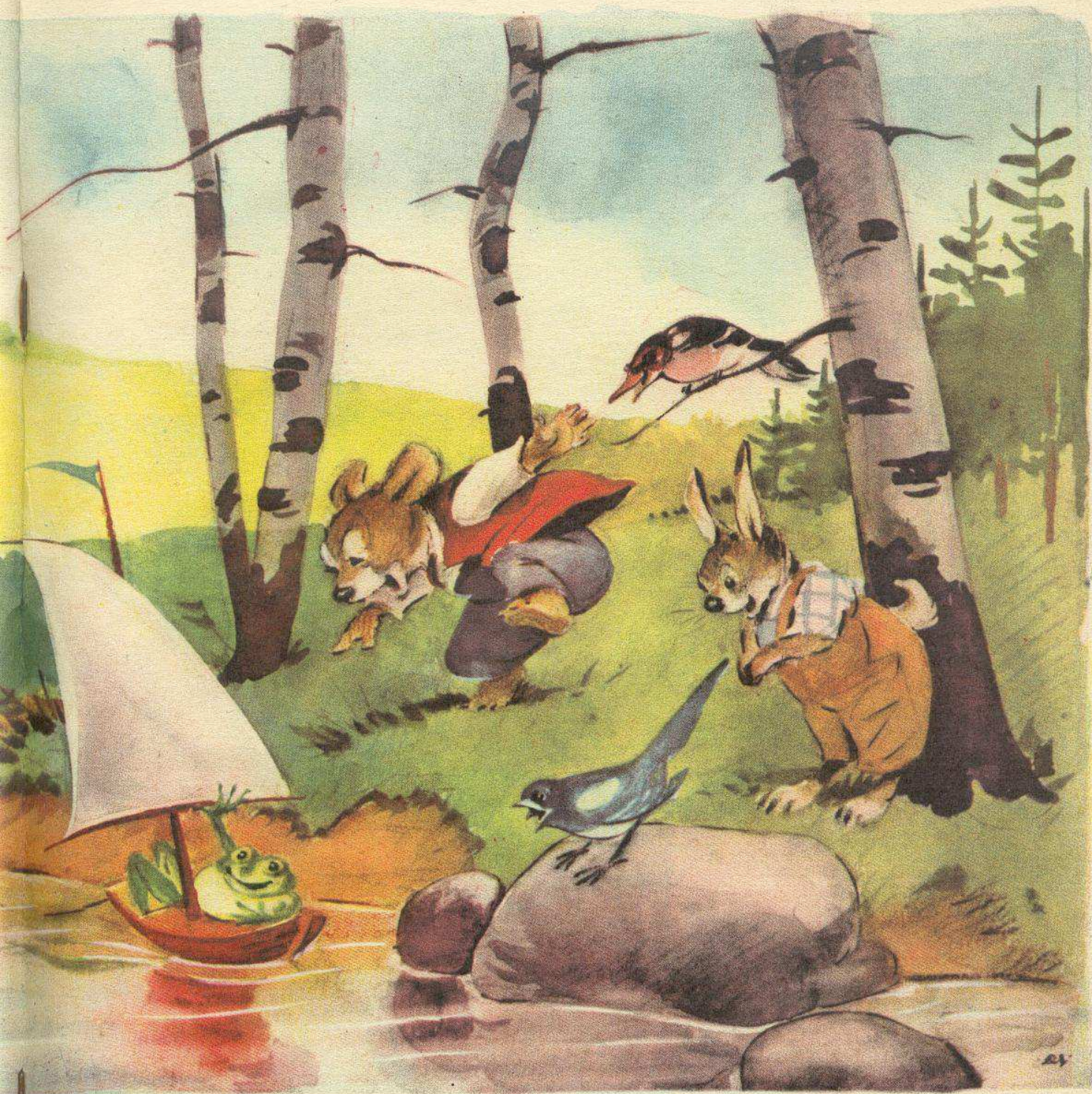
Рано ты шум поднимаешь,
Спать моим деткам мешаешь!..
Что ж я с тобою болтаю,
Зря только время теряю!

Время бежит без оглядки.
Долго резвились зверятки,
В прятки играли, шалили,

В речку кораблик спустили.
Им управляла Лягушка.
Рады все — вот так игрушка!

Час и другой пролетели.
Скоро ль обед, в самом деле?
Больше играть неохота —

Пусто в животиках что-то.
Слышится плач над поляной:
— Что с нашей мамой Мецаной?

Мама их этой порою
Тропкой плетётся лесною.
Выводок видит сорочий.
— Кто здесь так громко стрекочет?

Голодны, что ль, цокотухи?
Иль донимают вас мухи?..
Впрочем, пора нам расстаться,
Надо с роднёй повидаться.

Ежик ей первым попался.
— Что же ты, брат, расхворался?
На ночь прими аспирину,
Да разотри себе спину.

Выпей настойки медовой —
Встанешь на утро здоровый...
Что я с тобой задержалась,
Дела по горло осталось!

К Волку она заглянула,
Лапами только всплеснула:
— Снова тебя потрепали!
Видно, нам правду сказали,

Будто забрёл ты в кошару,
Да и попался овчару...
Что ж я с тобой задержалась —
Дела по горло осталось!

— Тук-тук! — стучит она в спешке.
— Кто тут собирает орешки?
Ты, что ль, хозяйюшка Белка?
В доме запас — не безделка!

Жить будешь, горя не зная,
Если полна кладовая.
Будь же здорова, сестрица,
Надобно мне торопиться!

М
Г
Е
—
Всюду дела у Мецаны.
Вот уже пали туманы,
Вот уж и месяц сияет,
Тут-то Мецана смекает:

— Батюшки, как же похлёбка
Детушкам малым, растрёпкам?
Дай-ка домой ворочусь я,
И без приправ обойдусь я!

Вьётся по лесу дорожка,
Бьётся пустое лукошко,
Мчится она, еле дышит,
Ног под собою не слышит.

Видит — спят детки-растрёпки,
Нет ни огня, ни похлёбки...
Ах ты, смешная Мецана,
Зря ты проснулась так рано!

Отв. редактор Рени Карастоянова. Художств. оформление
Ивана Христова. Технический редактор Венко Маринов.
Корректор Станислав Недялков. Подп. к печати 30. III. 1964 г.
Формат 1/8 от 65/92. Тираж 50 000 экз. Отп. в литографии „Балкан“

Издательство Болгарский художник — София

